

«Преступление и Наказание»: объяснение, интерпретации, понимание

IVAN ESAULOV, *The Maxim Gorky Literature Institute*

jesaulov@yandex.ru

Received: July 30, 2017.

Accepted: September 18, 2017.

АННОТАЦИЯ

В статье речь идет не об «ошибочных» или, напротив того, «правильных» подходах: объяснение, интерпретации, понимание являются абсолютно необходимыми познавательными актами, без которых любое адекватное изучение Достоевского представляется мне невозможным. Однако это все-таки принципиально отличающиеся установки, актуализирующие различные векторы исследовательского внимания. Объяснение «Преступления и Наказания» невозможно без реально-исторического, а также текстологического комментария. Именно в этой сфере можно говорить о значительном прогрессе в изучении романа Достоевского. Это и неудивительно, поскольку как раз объяснение ближе всего к методологическим постулатам так называемых «наук о природе» (В. Дильтей), с их декларируемой «объективностью» (установкой на бессубъектность) как будто гарантирующей от субъективистских искажений своего предмета. Тогда как те или иные интерпретации «Преступления и Наказания» неотделимы от исторически изменчивых и порой резко расходящихся – методологически, культурно, политически, эстетически – установок самих истолкователей текста Достоевского. «Дрейфование» читателей (Р. Барт) по этому тексту порой приводит к интересным результатам, однако же оно зачастую выводит исследователей за пределы той совокупности адекватных прочтений, которые я определяю понятием «спектра адекватности». Наконец, третий вариант исследовательского «освоения» романа Достоевского представляет собой то или иное его личностное понимание, так или иначе входящее в «спектр адекватности». Эти несопадающие друг с другом, однако в равной мере адекватные художественным интенциям Достоевского акты исследовательского понимания невозможны без аксиологического созвучия понимающего сознания доминантным установкам писателя. Вместе с тем Достоевский хотя и предопределяет вектор читательских рецепций, но отнюдь не направляет непременно каждую рецепцию читателя (значит, и литературоведа), предоставляя тому некую свободу выбора, в пределах которой тот волен принимать решения по своему усмотрению.

Ключевые слова: Достоевский, объяснение, интерпретации, понимание, «спектр адекватности».

“Crime and Punishment”: Explanation, Interpretations, Understanding

ABSTRACT

The article is not about “wrong” or, to the contrary, “correct” approaches: explanation, interpretations, understanding are absolutely necessary cognitive acts, without which any adequate study of Dostoyevsky seems impossible. However, these are fundamentally different mindsets that actualize various vectors of researchers’ attention. An explanation of “Crime and Punishment” is impossible without an actual historical, as well as a textological, commentary. This is precisely the area where one may talk about a significant progress in the study of Dostoyevsky’s novel. It is not surprising, since explanation is the closest to the mindset of so-called “natural sciences” (W. Dilthey), with its declared “objectivity” (a mindset for non-subjectivity) as if protecting from the subjective distortions in one’s discipline. At the same time, one or the other interpretation of “Crime and Punishment” are inseparable from historically changing and sometimes drastically diverging – methodologically, culturally, politically, aesthetically – mindsets of interpreters of Dostoyevsky’s text. At times, readers’ “drifting” (R. Barthes) in such a text may result in interesting findings, however, it often leads researchers beyond the limits of adequate readings, which I define as the “spectrum of adequacy”. Finally, the third version of researchers’ “examination” of Dostoyevsky’s novel is a personal understanding of it, in one way or another included within the “spectrum of adequacy”. These mismatching but equally adequate in respect to Dostoyevsky’s intentions acts of researchers’ understanding are impossible without an axiological concord between the understanding mind and the writer’s dominant mindset.

While Dostoyevsky predetermines the direction of readers' receptions, he does not direct each of the reader's (and therefore, researcher's) receptions, providing them with a certain freedom of choice, within which they are allowed to make decisions at their discretion.

Keywords: Dostoyevsky, explanation, interpretations, understanding, "spectrum of adequacy".

Как ни странно, многоголосица прочтений этого, как, впрочем, и других романов Достоевского, накопившаяся за полтора столетия, а также их рассмотрение в различных контекстах (от философских и эстетических до социологических и политических) не соотносилась с тремя вынесенными в заглавие доклада исследовательскими актами (установками). Хотя различия между объяснением, интерпретацией и пониманием с полной методологической отчетливостью выявились в мировой гуманитарной мысли еще в конце XIX – начале XX веков. Видимо, эта странность происходит потому, что, к сожалению, все еще имеется значительный разрыв между общими теоретико-методологическими и конкретными эмпирически-интерпретационными исследованиями.

Следует подчеркнуть, что проблема состоит вовсе не в определении «ошибочных» или, напротив того, «правильных» подходов: объяснение, интерпретации, понимание являются абсолютно необходимыми познавательными актами, без которых любое адекватное изучение Достоевского представляется невозможным. Однако это все-таки принципиально различные установки, актуализирующие различные векторы исследовательского внимания.

Формулируя весьма сжато и кратко, поскольку подробное обоснование разграничения представлено в моих книгах «Спектр адекватности в истолковании литературного произведения» (Есаулов, 1995) и «Постсоветские мифологии: структуры повседневности» (Есаулов, 2015: 577-582), анализ предполагает изучение текста (текста не в бартовском, а в лотмановском терминологическом наполнении, например, как это продемонстрировано в Ю.М. Лотманом в его «Анализе поэтического текста» (Лотман, 1972)). В интерпретациях же представлены те или иные истолкования художественного мира (который далеко не сводится к тексту, это другой уровень произведения), а понимание невозможно без постулата личностной «встречи» автора, стоящего как за текстом, так и за художественным миром, и читателя/исследователя.

В одном случае доминирует установка на «адекватность» и общенаучную «воспроизводимость результата», в другом – признание «спектра» самых разных прочтений-интерпретаций не как «исключения», а как нормы литературоведения, в третьем же предполагается личностная встреча, которая может происходить при определенных условиях в особой рецептивной зоне, которую я и предлагаю называть «спектром адекватности».

Теперь следует прояснить эти методологические разграничения конкретным историко-литературным материалом. Поставим вопрос, насколько «неверны» - абсолютно, кардинально «неверны» - первые «объяснения» преступления героя Достоевского в «Русском инвалиде» и «Гласном суде» больной психикой Раскольникова? Например: «герой вышел - просто-напросто сумасшедший человек, или, скорее, белогорячный, который хотя и поступает как будто сознательно, но, в сущности, действует в бреду, потому что в эти моменты ему представляется все в ином

виде. <...> У Раскольникова - все признаки белой горячки; ему только все кажется; действует он совершенно случайно, в бреду. Не уходи дворник из дому и не попадись Раскольникову на глаза топор, - он, быть может, просто бы побежал вдоль по каналу и бултыхнулся бы с какого-нибудь моста в воду, как это нередко делают белогорячечные. Топор дворника является во всей этой истории более самостоятельным лицом, чем сам Раскольников. Таких господ, как Раскольников, обыкновенно отправляют в больницу, боясь держать на квартире, и - случись это в действительности - с ним бы так и поступили <...> Раскольников - человек дикий, больной, белогорячечный, одним словом, воспроизведение больной, тоже отчасти горячечной фантазии» (Гласный суд, 1867).

Далее. Насколько неверны позднейшие писаревские рассуждения, в которых также «объясняется» суть дела не болезнью, а уже социальными факторами? Вспомним Д.И. Писарева: «Нет ничего удивительного в том, что Раскольников, утомленный мелкой и неудачною борьбою за существование, впал в изнурительную апатию, нет также ничего удивительного в том, что во время этой апатии в его уме родилась и созрела мысль совершить преступление» (Писарев, 1867: 5).

Конечно, легче всего сейчас дело представить таким образом, что то и другое – продукт упрощенного (или даже именно что неверного) истолкования, но оно не более упрощенное и неверное, чем, например, совершенно «объективистское» объяснение Разумихиным обморока Раскольникова: «...тухлая краска, 30 градусов Реомюра, спёртый воздух, куча людей, рассказ об убийстве лица, у которого был накануне, и всё это на голодное брюхо. Да как тут не случится обмороку!» (Достоевский, 1989, 5: 254).

Разве тех факторов, о которых напоминает читателю Разумихин (или тот же Писарев), – не было? Конечно же, были. Однако «объяснение», на то оно и «объяснение», что предполагает внешний *etic-*, а не сопричастный христианским ценностям Достоевского *etic-* подходы (Есаулов, 2017: 25-29).

Наблюдаемое явление (Раскольников, роман «Преступление и Наказание», в целом творчество Достоевского) при таком *etic-* подходе, будь он марксистский, структуралистский или фрейдистский, является лишь иллюстрацией действия более общих «закономерностей» (излюбленное слово для представителей «объяснительного» *etic-* подхода). И действительно, отчасти предмет (мы говорим сейчас именно о романе «Преступление и Наказание») «доказывает» существование этих общих закономерностей. Но проблема состоит в том, что при этом наш предмет овнешняется, превращается в бездушную и безгласную «вещь» (Бахтин, 1979: 363). Теряется грань между гуманитарной и негуманитарной (естественнонаучной) методологическими установками. Кроме того, собственное, уникальное, эстетическое бытие того уникального феномена, имя которому «Преступление и Наказание», далеко не сводится к иллюстрации каких бы то ни было «общих закономерностей», хотя и может – внешним образом – «подтверждать» некоторые из них.

Как на один из многих примеров современных исследований Достоевского, можно указать на работу Жоржа Нива, в которой характерным образом соединяются два варианта *etic-*подхода: социологический и фрейдистский. В результате «вина» за преступление героя как бы переносится на имперский Петербург, этот «прокажённый город». Оказывается, это он «раздавил Мармеладова, он свёл с ума Екатерину Ивановну,

он нашёптывает Раскольникову страшный замысел, он приводит Свидригайлова к самоубийству». Наряду с современным социологическим «развитием» пресловутого «среда заела» Нива предлагает и иной вариант «овнешняющего» объяснения романа, при котором Пульхерия Александровна – мать пожирающая, мать «кастрирующая». Единственная её цель – это привязать навсегда к себе сына (Nivat, 1982: 63-68).

Однако же, продолжая рассуждать об «объяснительных» процедурах, следует подчеркнуть, что в некоторых областях филологии описание того или иного художественного феномена без них невозможно. Так, адекватное прочтение «Преступления и Наказания» невозможно без реально-исторического, а также текстологического комментария, которые, на мой взгляд, от десятилетия к десятилетию становятся все более и более убедительными и точными. Хотя комментарий предполагает все-таки, прежде всего, именно «объективистский» подход к своему предмету.

Именно в этой сфере, несмотря на порой неизбежные разночтения, можно говорить о значительных достижениях в изучении романа «Преступление и Наказание». Собственно, это и неудивительно, поскольку из трех выделенных мной исследовательских гуманитарных стратегий как раз объяснение ближе всего к установкам так называемых «наук о природе» (как их называл еще Вильгельм Дильтей) с декларируемой «объективностью» (установкой на бессубъектность: в нашем случае эта бессубъектность подчеркивается единственным числом: «объяснение», а не «объяснения», несмотря на наличие самых разных «объяснений» романа) и «воспроизводимостью результата», как будто гарантирующей от субъективистских искажений своего предмета. Именно в этой сфере были наиболее популярны (и дольше всего продержались) аксиомы о неизбежности «научного прогресса».

Тогда как те или иные интерпретации «Преступления и наказания» неотделимы от исторически изменчивых и порой резко расходящихся – методологически, культурно, политически, эстетически - установок самих истолкователей текста Достоевского. Доминантный для современного литературоведения «дрейф» (используя словечко Ролана Барта) по этому тексту порой приводит к неожиданным результатам, безразлично, утверждает ли исследователь свое отталкивание от христианских основ творчества Достоевского или, напротив того, декларирует приверженность им (например, когда стакан пива и кусок сухаря, которые упоминаются в начале романа в эпизоде в распивочной, сопоставляются с причастием (Касаткина, 1994: 85)).

Однако же возобладавшая все-таки у поклонников подобного «дрейфа» по тексту установка на отказ от поиска «истинности», будто бы непременно свидетельствующая об авторитарности сознания тех, кого интересует и «истинность», и сама истина, зачастую выводит исследователей за пределы той совокупности адекватных прочтений, которые я определяю понятием «спектра адекватности». Особенностью нынешнего времени является то, что странным образом постмодернистские толкования эклектически – или алхимически - вполне могут сочетаться сегодня в достоевведении и с поисками христианских корней творчества писателя.

Крупным филологическим событием последнего времени явилась публикация 7-го тома петрозаводского Полного собрания сочинений Достоевского под редакцией В.Н. Захарова (книга вышла к 140-летию первого издания «Преступления и наказания»).

Том (Достоевский, 2007, 7) замечателен тем, что высококвалифицированная работа Н.А. Тарасовой по выявлению «канонического текста» Достоевского сопровождается концептуальными статьями Захарова и Б.Н. Тихомирова, каждая из которых является и примером самобытной интерпретации, и попыткой понимания писателя. Достоин высокой оценки также прекрасный комментарий к роману Тихомирова, с которым теперь мы – в расширенном виде – можем ознакомиться и отдельно от «канонических текстов» Достоевского (Тихомиров, 2016).

Отметим здесь же и неосновательность претензий рецензента работы Тихомирова, инкриминирующего комментатору контаминацию различных подходов: «концептуальное исследование (= “современное прочтение”) романа — и реальный комментарий к нему <...> Комментарий вещь объективная, книга — как правило, субъективная. Так что одно из двух...» (Кошелев, 2005: 449-451). Как можно заметить, В.А. Кошелев – и здесь я с ним совершенно солидарен – настаивает на «объяснительной» функции филологического комментария. Однако в том-то и дело, что полная «бессубъектность» в любом комментарии все-таки невозможна. По этой причине любое внешнее «объяснение» романа Достоевского (как марксистско-фрейдистское, так и структурно-семиотическое) неизбежно – часто и помимо воли исследователя, как это происходило и с самим Фрейдом, – выявляет не только «объективную» сторону «вещи», но и ценностные установки самого исследователя. «Вина» Тихомирова состоит лишь в том, что зачастую скрываемую субъективность комментатора он эксплицитировал уже в названии своей работы (и в этом смысле, его «комментарий», конечно же, интерпретация, но такая интерпретация которая вполне может претендовать на новое понимание романа Достоевского).

Дело в том, что третий вариант исследовательского «освоения» романа Достоевского представляет собой как раз то или иное его личностное понимание, так или иначе входящее в «спектр адекватности». Личное понимание (или, по-бахтински, «диалог» между автором и читателем) всегда предполагает не одну правильную точечную коммуникацию, а именно «спектр» различных, не совпадающих друг с другом, однако, как представляется, в равной мере адекватных художественным интенциям Достоевского актов понимания. От постмодернистской «множественности» спектр адекватности отличается признанием границ, пределов адекватных прочтений. Так, Тихомиров особо оговаривает, что он приводит в своем комментарии и суждения ученых, с которыми он не вполне солидарен: «я последовательно предоставляю “право голоса” авторам, чьи интерпретации мне не вполне близки, но наблюдения и соображения которых, безусловно, заслуживают внимания, так как без них художественный мир “Преступления и наказания” не может быть раскрыт и представлен в своей полноте» (Тихомиров, 2016: 4).

Однако существуют и такие «прочтения» Достоевского, которые явно находятся вне «спектра адекватности». Например, при всем уважении к художественному таланту Владимира Набокова, его известное неприятие кардинальной идеи Достоевского («мне претит, как его герои “через грех приходят ко Христу”» (Набоков, 1996: 183)), препятствует пониманию ключевой сцены романа Достоевского - со чтением Евангелия: «Убийца и блудница за чтением Священного Писания – что за вздор! Здесь нет никакой художественно оправданной связи» (Набоков, 1996: 190). Скорее можно

усмотреть известную близость позиции Набокова «культурному бессознательному» З. Фрейда, которое ярко проявило себя в его собственном «объяснении» Достоевского. Моя деконструкция комплексов самого Фрейда, проявившихся в некоторых его характерных и необязательных отступлениях, комплексов – по отношению и к Достоевскому, и к русской культуре как таковой, и к христианству - была представлена на одном из Симпозиумов Общества Достоевского, а потом и опубликована (Есаулов, 2012: 211-220), поэтому излагать ее в рамках данной статьи считаю излишним.

Если мы не признаем наличие «спектра адекватности» в толкованиях Достоевского, этих не совпадающих друг с другом, однако в равной мере адекватных художественным интенциям Достоевского актов понимания, «споры» наши о смыслах его текстов будут все более и более напоминать толчение воды в ступе. Нам более всего не хватает признания частичной правоты тех, чья позиция отличается от нашей, но отличается интерпретационно, а не представляет собой какой-то совсем иной вектор понимания. Споры об оттенках, как известно, всегда ожесточеннее споров о цветах.

Приведу несколько примеров. Хотя выше я и подчеркнул очень качественный комментарий к «Преступлению и наказанию» Б.Н. Тихомирова, признание это вовсе не означает полного согласия с его интерпретациями. Например, Тихомиров интерпретирует образ Сони Мармеладовой в структуре романа таким образом, будто «... великая жертва любви, которую приносит Сонечка близким, объективно подталкивает Мармеладова к самоубийству, Катерину Ивановну – к сумасшествию» (Тихомиров, 2007, 368). Это формулировка неточная. Не буду рассуждать о «самоубийстве», только лишь напомним текст. Последние слова Мармеладова, узнавшего Соню – «приниженную, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую своей очереди проститься с умирающим отцом <...> “Соня! Дочь! Прости!”» (Достоевский, 1989: 177). Таким образом, Соня – в решающий момент исхода души из тела - спасает отца, спасает своим «подвигом» самоотречения и самопожертвования его душу, поскольку приводит к покаянию, а вовсе не «подталкивает к самоубийству». Иначе получается, например, что и Христос подталкивал своих апостолов к тому, чтобы их затем убили. Но ведь Христос, как известно, напротив того, спас своих учеников, хотя и для другой жизни, а не привел их к смерти.

Интерпретируя финал «Преступления и наказания», Тихомиров замечает: «Достоевский не ставит на последней странице точки: автор оставляет Раскольникову “на пороге”. Впереди “новая история, история постепенного обновления человека, история, постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью”» (Тихомиров, 2007: 174). На этом предложении Тихомиров завершает свой комментарий. Что это? Как будто прямая цитата из финала романа, не правда ли? И этой цитатой заканчивается комментарий Тихомирова. Как будто бы, несомненно, что так же заканчивается и роман Достоевского. О чем же тут говорить? Но все дело в том, что утверждение Тихомирова, будто Достоевский не ставит на последней странице точки, неверно. Достоевский-то ставит. А Тихомиров – для того, чтобы доказать свою мысль о «незавершенности» и использовать – в новом контексте - известную идею о «пороговости» мира Достоевского, – прерывает цитату, исключая из нее последнее предложение романа.

Я его напомню: «Это могло бы (обращаю внимание на модальность: «могло бы». – И.Е.) составить тему нового рассказа, - но теперешний рассказ наш окончен» (Достоевский, 1989: 520). Окончен! Точка – вопреки интерпретации Тихомирова – Достоевским именно что поставлена. А в петрозаводском издании Достоевского, где представлены, по формулировке В.Н. Захарова, «канонические тексты», еще и – словно бы в подтверждение моего разбора и в опровержение интерпретации Тихомирова о «незаконченности» - большими буквами набрано слово – «КОНЕЦЪ» (Достоевский, 2007, 7: 528), да еще и с буквой «ер» – как бы для утверждения еще большей завершенности.

Да и по существу дела, я полагаю, что герой все-таки, вопреки интерпретации Тихомирова, должен - хочет он того или нет - отказаться от себя – а именно - от «ветхого человека» в себе, он должен умереть как «ветхий человек» (и он умирает, как доказывалось, в качестве этого «ветхого человека» в соответствии с православным литургическим годовым циклом (Захаров, 1994; Есаулов, 1998), чтобы воскреснуть как новый человек. Эта формулировка не мой исследовательский произвол – достаточно вспомнить, например, слова Дмитрия Карамазова о себе самом: «...воскрес во мне новый человек» (Достоевский, 1991: 91).

Почему же в тексте романа не показано вполне (не иллюстрируется) это воскресение? По тем же причинам, по которым на канонических православных иконах не изображается воскресение Христа, а изображается сошествие во ад. Несведущие люди, не укорененные в православной традиции, часто путают поэтому на иконах воскресение с вознесением Христа. В «Пророке» Пушкина, в котором проступает пасхальный архетип, например, также отнюдь не иллюстрируется воскресение. Напротив того, говорится: «как труп в пустыне я лежал» (Пушкин, 1963: 339): «как труп», ибо герой также должен умереть как ветхий человек. А слова Бога, завершающие текст, не имеют – в тексте – прямого текстуального же продолжения, ибо подразумевается – но не буквалистски демонстрируется! – рецептивная активность читателя (Есаулов, 1999: 25-26).

Тихомиров, вместе с тем, совершенно прав, на мой взгляд, акцентируя воскресение и Раскольников, и Сони. Но на какой основе возможно это воскресение – и одновременно – понимание Достоевского? На соборной – православной – основе, которой так отчаянно противится поначалу Раскольников. Нарративная структура Достоевского такова, что сначала следует фраза «Их воскресила любовь», только затем утверждается: «... он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим» (Достоевский, 1989, 5: 518). В свое время, двадцать лет назад, я аргументировал идею о глубинном родстве бахтинской полифонии и православной соборности (Есаулов, 1997: 133-137). Ныне я продолжаю упорствовать в этой своей интерпретации. Так что фразу «их воскресила любовь» неверно, на мой взгляд, истолковывать, игнорируя категорию соборности, как невозможно адекватно ценностям самого Достоевского понимать его художественный мир, отвергая – или считая необязательной частностью – пасхальность его сознания. Если исследователь вовсе не учитывает эту особенность, он выводит сам себя из спектра адекватных толкований Достоевского – и его «интерпретации» могут быть весьма неожиданными, но этот «дрейф», опять вспоминая Ролана Барта, будет более созвучен ценностям

«легиона» (Иванов, 1979: 253-261), во всем противоположным соборной аксиологии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-04-00212.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 15-04-00212.

REFERENCES

- Nivat, G. (1982). *Vers la fin du mythe russe: Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours*. Lausanne: Ed. L'Age d'Homme.
- Бахтин, М.М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.
- Гласный суд (1867). *Заметки и разные известия*, № 59.
- Достоевский, Ф. М. (1989). *Собрание сочинений*. Т. 5. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1991). *Собрание сочинений*. Т. 10. Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (2007). *Полное собрание сочинений. Канонические тексты*. Т. 7. Петрозаводск: Изд. Петрозаводского университета.
- Есаулов, И.А. (1995). *Спектр адекватности в истолковании литературного произведения: «Миргород» Н.В. Гоголя*. Москва: Изд. Российского государственного гуманитарного университета.
- Есаулов, И.А. (1997). Полифония и соборность (М.М.Бахтин и Вяч. Иванов). *Бахтинский тезаурус: Материалы и исследования*. Москва: Изд. Российского государственного гуманитарного университета, 133-137.
- Есаулов, И.А. (1998). Пасхальный архетип в поэтике Достоевского. *Проблемы исторической поэтики*. Вып. 5, 349-362.
- Есаулов, И.А. (1999). Пушкин и религия (некоторые наблюдения). *Статьи о Пушкине: К 200-летию со дня рождения поэта*. Москва: Прометей, 21-30.
- Есаулов, И.А. (2012). Методологические основания работы Фрейда о Достоевском и установки советского литературоведения. *Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore*, (pp. 211-220). Napoli: La scuola di Pitagora editrice.
- Есаулов, И.А. (2015). *Постсоветские мифологии: Структуры повседневности*. Москва: Академика.
- Есаулов, И.А. (2017). *Русская классика: новое понимание*. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Изд. Русской христианской гуманитарной академии.
- Захаров, В. Н. (1994). Символика христианского календаря в произведениях Достоевского. *Новые аспекты в изучении Достоевского*, 37-49.
- Иванов, Вя. (1979). Легион и соборность. В: В. Иванов, *Собрание сочинений*, Т. 3. (с. 253-261). Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.
- Касапкина, Т.А. (1994). Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников). *Достоевский: Материалы и исследования*. Санкт-Петербург, Т. 11, 81-88.
- Кошелев, В.А. (2005). Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М.Достоевского

- «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий (рецензия). В: *Новое литературное обозрение*, № 87, 449-451.
- Лотман, Ю.М. (1972). *Анализ поэтического текста: Структура стиха*. Ленинград: Просвещение.
- Набоков, В.В. (1996). *Лекции по русской литературе*. Москва: Независимая газета.
- Писарев, Д. (1867). Будничные стороны жизни. *Дело*, № 5, 1-25.
- Пушкин, А.С. (1963). *Полное собрание сочинений*. Т. 2. Москва: Изд. Академии наук.
- Тихомиров, Б.Н. (2007). «Переречь все вопросы в этом романе»... В: Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений. Канонические тексты*, Т. 7 (сс. 545-574). Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета.
- Тихомиров, Б.Н. (2016). «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Серебряный век.